

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБСТАНДАРТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Т.С. Новикова

Аннотация. В статье исследуются лингвокультурологические и лингвопрагматические характеристики субстандарта на материале художественных произведений середины XX — начала XXI века. Субстандартные единицы (жаргонизмы, сленгизмы) являются необходимой частью художественного пространства, без их употребления невозможно реалистично воссоздать приметы времени, описать внутренние переживания персонажей, вербализовать картину мира. Лексические единицы субстандарта выражают интенции авторов художественных текстов, их использование позволяет воссоздать языковую и концептуальную картину мира не только персонажей произведения, систему их норм и ценностей, но и подняться до обобщения и осмысления реальной действительности. Основные функции субстандартных единиц — мировоззренческая и эмоционально-оценочная, а также когнитивная, реже — номинативная. Использование единиц субстандарта позволяет писателям выразить имплицитную оценку и одновременно сделать вывод о мировоззренческой основе российского общества в сложные периоды российской истории.

Ключевые слова: субстандарт, жаргон, сленг, лингвокультура, лингвопрагматика.

Для цитирования: Новикова Т.С. Лингвокультурологические и лингвопрагматические характеристики субстандарта в художественном пространстве русской прозы середины XX – начала XXI века // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 495–508. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-495-508

495

LINGUOCULTURAL AND LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE SUBSTANDARD IN THE ARTISTIC SPACE OF RUSSIAN PROSE OF THE MID XX – EARLY XXI CENTURY

T.S. Novikova

Abstract. The article deals with linguo-cultural and linguo-pragmatic characteristics of the substandard based on the material of artistic works of the mid XX – early XXI centuries. Substandard units (jargonisms, slangisms) are a necessary part of artistic space, without

© Новикова Т.С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

using them it is impossible to realistically recreate the signs of the time, describe the inner feelings of characters, verbalize the picture of the world. Lexical units of substandard express the intentions of the authors of artistic texts, their use allows to recreate the linguistic and conceptual picture of the world not only of the characters of the work, the system of their norms and values, but also to rise to the generalization and comprehension of the real reality. The main functions of substandard units are ideological and emotional-evaluative, as well as cognitive and, less often, nominative. The use of substandard units allows writers to express an implicit evaluation and at the same time to draw a conclusion about the worldview basis of Russian society in difficult periods of Russian history.

Keywords: *substandard, jargon, slang, linguo-culture, linguo-pragmatics.*

Cite as: Novikova T.S. Linguocultural and Linguopragmatics Characteristics of the Substandard in the Artistic Space of Russian Prose of the Mid XX – Early XXI Century. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 4, part 2, pp. 495–508. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-495-508

Исследования субстандарта в современном художественном пространстве русскоязычной прозы представляет собой сложную лингвокультурологическую проблему, поскольку его репрезентация является частью художественного замысла автора и не всегда в полной мере отражает реальную языковую картину определенной исторической эпохи, подвергаясь трансформации с определенным прагматическим заданием.

При рассмотрении сущностных характеристик художественного пространства следует учитывать лингвокогнитивные параметры (об этом пишет С.М. Колесникова в монографии «От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование» [1]), а также отдельные концепции дискурса при анализе прагматических интенций автора [2; 3].

Субстандарт мы рассматриваем широко в парадигме научного видения Т.А. Кудиновой, которая указывает, что «под субстандартом понимаются все проявления общенационального языка, за исключением нормированного литературного языка (то есть диалекты, просторечие, социальные и корпоративные жаргоны, которые необыкновенно расширили сферу своего применения в последние годы)» [4, с. 12].

Субстандарт отличается от стандарта (литературного языка), т. к. имеет свои узальные нормы. Об этом писал и В.П. Коровушкин в монографии «Основы контрастивной социолектологии». В частности, он определяет субстандарт как «исторически сложившуюся, относительно устойчивую, комплексную, системно организованную автономную экзистенциальную макроформу национального языка или его национального варианта, состоящего из системно организованных частных экзистенциальных и не-экзистенциальных языковых форм и их элементов» [5, с. 23].

Субстандарт в различных его проявлениях, особенно на уровне жаргонов и молодежного сленга, в конце XX – начале XXI в. развивается чрезвычайно быстро, появляется большое количество новых лексических единиц, называющих появившиеся предметы и явления действительности, что находит прямое отражение в различных художественных текстах.

Т.А. Кудинова в статье «Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий» указывает, что «субстандарт есть средство аксиологического картирования окружающей действительности. Общим признаком субстандартных образований является

перформативность и акцент на форму выражения» [6, с. 139], т. е. субстандарт позволяет носителям языка осмысливать окружающую действительность посредством объективации принципиально новых явлений в новых речевых формулах, оценочных лексических и фразеологических единиц. Субстандарт необходим языку для выражения особенных эмоциональных состояний и оценок, яркого выражения экспрессии. Новые лексемы и фраземы субстандarta по сути обновляют фонд оценочных средств современного языка.

Исследования современного субстандarta и частных его проявлений упорядочиваются и находят отражение во многочисленных лексикографических работах, дающих возможность системного изучения явлений.

Среди подобных работ необходимо назвать «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [7], где дается максимально полное толкование, этимологическая справка, стилистические пометы, и приводится ряд контекстов, а в случае интерпретации субстандартной фразеологии — варианты фразеологических единиц.

В настоящее время В.М. Мокиенко и Т.Г. Никита работают над пополнением словника данного словаря и в статье «Аксиология неофразем и неотрансформаций» указывают, что «постепенно снижаются темпы пополнения фразеологического фонда разговорной речи и медиадискурса пейоративно окрашенными оборотами, бытующими в уголовной среде и молодежной контркультуре. Традиционными источниками новой фразеологии различной аксиологической нагруженности остаются литература, кино, политический дискурс, реклама соответствующих периодов. Из английского языка в медиадискурс проникают и адаптируются оценочные образные составные наименования новых фактов и тенденций в социально-политической и экономической сферах, в молодежной речи сленговые англоязычные обороты используются без адаптации» [8, с. 101]. Укажем, что данное утверждение справедливо не только для описания современной языковой ситуации в области неофразем, но и в определении вектора развития молодежного сленга, различных типов жаргонов и субстандarta в целом.

В лексикографической работе «Русский жаргон: историко-этимологический словарь» В.М. Мокиенко и М.А. Грачева [9] впервые представлено описание субстандартных единиц в диахронии, прослеживается изменение в их семантическом наполнении, приводятся широкие контексты. Данный словарь дает возможность правильно интерпретировать семантику субстандартных единиц в художественном пространстве книг А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, А.И. Приставкина, Э. Лимонова, Д. Гуцко и Захара Прилепина.

Субстандарт в художественном дискурсе, прежде всего, выполняет функцию создания определенного социокультурного фона произведения, реалистически описывая действительность. Социокультурный контекст в художественном дискурсе связан с конкретными проявлениями особенностей лингвокультурологических характеристик текста.

Важность описания лингвокультурологической основы художественного текста признается в российской лингвистике в последние десятилетия, появляются исследования лингвокультурной информации различных художественных текстов. Лингвокультурные основы этноментальных представлений народа коррелируют с аксиологической

системой ценностей, выявляют специфические и общечеловеческие основополагающие идеологические установки, что и находит непосредственное отражение в конкретных художественных текстах.

В статье «Лингвокультурное пространство русской поэзии и особенности ее перевода на китайский язык» авторы отмечают, что «лингвокультурное пространство языка включает богатейший культурно-исторический многовековой опыт народа, который последующие поколения получают одновременно с усвоением национального языка. Возможности языка как коммуникативно-информационной системы и транслятора культуры народа наиболее ярко проявляются в особой форме национального языка — художественном тексте» [10, с. 387].

Лингвокультурное пространство художественного текста является продуктом описания определенной культурной действительности, выражением ценностных и прагматических национальных установок и стереотипов как этноса в целом, так и отдельных социальных групп, о которых речь идет в произведении.

В настоящем исследовании лингвокультурологических и лингвопрагматических характеристик субстандарта в русских художественных текстах мы основываемся на когнитивном анализе с использованием сравнительно-исторического, сопоставительного и структурно-семантического методов исследования субстандарта в диахронии.

Без изучения лексических и фразеологических единиц с национально-культурным компонентом, в том числе единиц субстандарта, без интерпретации значимых для конкретной лингвокультуры символов и прецедентных элементов невозможно проанализировать ни эксплицитные, ни имплицитные основы текста. Тематика и проблематика художественного произведения коррелирует с лингвокультурными характеристиками текста.

Так, например, без понимания социокультурных характеристик исторической эпохи репрессий в Советской России не представляется возможным проанализировать проблематику повести «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, а также романа «Обитель» Захара Прилепина, что напрямую связано с правильным пониманием семантики субстандартных лексических единиц лагерного жаргона.

Приведем в качестве примера две реплики диалога персонажей романа «Обитель»:

«– Да, да... — еще раз повторил Василий Петрович, но, наконец, справился с собою и неожиданно ответил: – Зато без **конвоя!** Весь день не видеть ни этих, с черными околышами, **ни лягавой роты, ни «леопардов»,** Артем.

– А **пайка** у меня будет уполовиненная и обед без второго, — парировал Артем. — Треска вареная, тоска зеленая» [11].

Лингвокультурологические характеристики художественного текста связаны с концептуальной и языковой картиной мира. Языковая картина мира, отраженная в конкретном тексте, является репрезентацией и интерпретацией представлений человека, социальной группы конкретной эпохи о сущности мироустройства.

В художественных произведениях российских авторов второй половины XX – начала XXI века, описывающих глубинные социальные конфликты политического характера, интерпретация сущности происходящих социально-политических изменений и социокультурных сдвигов в ментальности общества происходит с привлечением значительного количества субстандартной лексики и фразеологии. Использование субстандарта связано лингвокультурологическими параметрами текста, а также с лингвопрагматическими установками автора.

Е.И. Зиновьева в работе «Лингвокультурология: от теории к практике», анализируя сущность языковой картины мира, справедливо отмечает, что текст «является производной от встречи субъекта с коммуникативным событием, именно по нему судят (восстанавливают) препозицию, так и картина мира является производной от мировидения, но именно по ней реконструируют модель менталитета» [12, с. 28].

Картина мира авторов художественных текстов, лексика и фразеология которых в основном является субстандартной, связана с «определенными ориентирами мировидения» (термин Е.И. Зиновьевой).

Использование субстандарта в художественных текстах подобного рода связано с мировоззренческой парадигмой автора, что в свою очередь определено социокультурным фоном произведения.

Так, например, А.И. Солженицын указывал, что его произведения о ГУЛАГе не имеют целью собственно показать механизм репрессий, но рассмотреть категории добра и зла, которые определяют моральное сознание каждого человека. Писатель не без основания утверждал, что граница между добром и злом проходит «не между государствами, не между классами, не между партиями, — она проходит через каждое человеческое сердце — через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, обьятом злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце — неискорененный уголок зла» [13, с. 595].

Поскольку мировоззренческую основу лагерной прозы А.И. Солженицына составляет анализ аксиологии ценностей, то незначительное количество лексики и фразеологии лагерного жаргона оказывается закономерным. Художественное пространство лагерной прозы А.И. Солженицына по необходимости включает в себя определенное количество субстандартной лексики, дозированное использование которой становится маркером выражения особо сильных эмоций и яркой оценки.

«Один день Ивана Денисовича»:

«А толпу всю и Шухова зло берет.

Ведь что это за стерва, гад, паскуда, загребенец?

Уж небо темно, свет, считай, от месяца идет, звезды вон, мороз силу набирает, а его, паценка, нет! Что, не наработался, падло?

А как те ближе подбежали, так: — Чу-ма-а! Шко-одник! Шушера! Сука позорная! Мерзотина! Скотина!

И Шухов тоже кричит: — Чу-ма!» [14].

Бранная и жаргонная лексика в текстах А.И. Солженицына является частью лингвокультурного пространства, прагматически значимого для выражения идеи произведения.

Использование жаргонной лексики разного рода в художественных текстах всегда происходит для реализации лингвопрагматических установок автора.

Лингвопрагматика в текстах изучается сравнительно недавно, примерно с середины XX века.

Истоки лингвопрагматики как отдельной междисциплинарной области заключены в работах по философии языка Л. Витгенштейна. В 20-е годы XX века Л. Витгенштейн создал «Логико-философский трактат», в котором особое внимание уделялось вопросу соотношения знаковых систем языка и мышления. Язык, как полагает Л. Витгенштейн, представляет собой упорядоченную знаковую систему, подчиняется законам логики и может быть формализован.

Логико-философский трактат представляет собой структурированный, разбитый по темам и разделам, набор суждений. В начале текста автор предлагает резюме, в котором указывает номера разделов и их названия: Так, 3 и 4 раздел: «3. Логической картиной фактов служит мысль. 4. Мысль есть суждение, наделенное смыслом».

В «Логико-философском трактате» в 3 разделе он указывал: «3.032 противоречащее логике» так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты несуществующей точки» [15].

Однако при этом он полагал, что отдельные значения лексических единиц могут быть реализованы только в контекстах, поэтому и возникает множественность значений и непонимание смысла текстов. При этом Л. Витгенштейн справедливо утверждал, что сложные смыслы выражаются посредством сложных предложений, и, соответственно, простые утверждения реализуются в простых предложениях.

В последующих работах Л. Витгенштейн касается знаковой природы языка и подробно исследует реализацию языкового знака в конкретном тексте, вводя понятие «языковой игры» для объяснения сложности в реализации смысловых интенций авторов текста.

«Языковая игра», по Л. Витгенштейну, связана с прагматическими установками авторов текстовых сообщений. Развитие идеи Л. Витгенштейна об особом значении прагматики при создании текста послужило философской основой для появления научных работ по анализу прагматических характеристик текстов.

Особое значение для развития научных постулатов философии лингвистики, связанных с прагматикой текста, имеют работы Г.П. Грайса, в частности, «Логика и речевое общение» [16]. В данном исследовании Г.П. Грайс обращает внимание на сложности дешифровки (понимания) смыслового содержания текста в отдельных речевых ситуациях.

По сути Г.П. Грайс указывает на то, что в ряде текстов присутствуют дополнительные смыслы (непосредственно с помощью языковых знаков не выраженные прямо). Это связано с прагматическими целями говорящих (пишущих), которые не стремятся прямо выразить смысл суждения. Для описания подобных явлений Г.П. Грайс вводит понятие «импликатура», а также предлагает и глагол к данному понятию: «имплицировать». Импликатурой он предлагает называть скрытые (неочевидные, не выраженные знаками языка и речи) смыслы, которые определяются конвенциональной структурой, т. е. речь идет о том, что в конкретном контексте смысловая структура связана с языковыми знаками, определяющими семантику в данной речевой ситуации.

Г.П. Грайс предлагает разделять импликатуры на конвенциональные и коммуникативные: «Коммуникативная импликатура должна быть выводимой, потому что если наличие импликатуры постигается интуитивно, но не может быть логически выведено, то такая импликатура (если она вообще есть) будет считаться конвенциональной, а не коммуникативной. При выводе определенной коммуникативной импликатуры слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) принцип кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации и что они оба знают или предполагают, что это так» [там же, с. 227].

Коммуникативная импликатура приобретает значение в конкретном контексте в тех случаях, когда участники коммуникации понимают наличие скрытого смысла, опираясь на знание коммуникативной ситуации и обладая фоновыми знаниями линвокультурной ситуации в целом. Коммуникативная импликатура связана с прагматикой текста, ее наличие изначально планируется автором текста, который знает, что слушающие (читающие текст) обладают необходимыми знаниями для правильного понимания смыслового содержания. Прагматика текста определена интенциями автора.

В книге И.П. Сусова «Лингвистическая прагматика» указывается, что в середине XX века с опорой на философию лингвистики произошел своеобразный поворот в исследованиях смыслового содержания текста. На первый план выходит изучение прагматики (лингвопрагматики текста): «Прагматический поворот означал, что теперь в центре внимания оказывается живой язык в действии, во всем многообразии его функций и социально-функциональных вариантов. Абстрактный, идеальный говорящий должен был уступить свое место конкретному, реальному говорящему, осуществляющему свою деятельность общения каждый раз в новой обстановке, в новом коммуникативно-прагматическом пространстве.

Прагматика не может не опираться на представление о языке как системе средств и правил, но она делает акцент на коммуникативных процессах и контекстуально зависимых принципах использования этой системы в бесконечном множестве разнообразных актов языкового общения. Для нее язык не просто устоявшаяся система знаков или совокупность его функциональных вариантов типа литературного языка, просторечия, диалектов и т. п., а **гибкий способ знаковой репрезентации опыта и коммуникативного взаимодействия** между членами данного социоэтнокультурного сообщества в любой конкретной ситуации» [17].

В российском языкознании в настоящее время существуют разнообразные трактовки изучения прагматики текста, которые сводятся к «изучению 1) интенций и намерений говорящего или пишущего; 2) прагматики текста», — отмечается в статье И.И. Чумаковой и С.В. Ковалевой «Лингвопрагматические компоненты текстов народно-поэтического дискурса (на материале текстов народных заговоров)» [18, с. 546].

В основе анализа текста с точки зрения лингвопрагматики лежит анализ «целенаправленного коммуникативного действия, совершаемого согласно правилам языкового поведения» [19, с. 830].

Лингвопрагматика художественного текста всегда связана с целями и задачами автора произведения, со стилистическим заданием, с основной идеей и тематикой произведения. Конкретное произведение с точки зрения лингвопрагматического анализа представляет собой «способ знаковой репрезентации опыта» писателя в совокупности с коммуникативным взаимодействием на читателя.

Интенции писателя связаны со многими параметрами (с индивидуальными суждениями и воззрениями, мировоззренческими установками), с необходимостью реализации особенностей хронотопа в соответствующей коммуникативной ситуации в художественном тексте.

В ряде художественных текстов второй половины XX – начала XXI века авторы стремятся максимально полно отразить особенности эпохи, реалистично передать детали времени через описание ситуации коммуникации персонажей. Поэтому обилие жаргонных и сленговых выражений представляются прагматически оправданными и необходимыми.

Важным элементом передачи лингвокультурологических характеристик времени и пространства становится описание места действия, которые зачастую реализуются через повествование от первого либо третьего лица.

Так, например, в рассказах Варлама Шаламова повествование практически всегда ведется от первого лица, во внутренних монологах героев жаргонных выражений немного, однако если они встречаются, то являются кульминационным центром художественного пространства.

Приведем пример из рассказа В. Шаламова «Жульническая кровь»:

«В сердцевицу блатного мира эти люди допущены не были. Редкие одиночки, особенно отличившиеся — не своими «героическими подвигами» во время ограблений, но усвоением правил блатного поведения, участвовали иногда в «правилах» высших воровских кругов. Увы — они не знали, что сказать на этих правилах. При малейшем столкновении, а каждый блатарь — весьма истеричная особа, — чужакам напоминали их «чуждое» происхождение.

– Ты — порчак! А открываешь хавало! Какой ты вор? Ты волжский грузчик, а не вор! Ты — олень самый настоящий!

«Порчак», то есть «порченный фраер» — фраер, который уже перестал быть фраером, но еще не стал блатарем («Это еще не птица, но уже не четвероногое», — как говорил Жак Паганель у Жюль Верна). И «порчак» терпеливо сносит оскорбления. «Порчаки» не бывают, конечно, хранителями традиций воровского мира» [20].

Лингвопрагматические установки В. Шаламова связаны с необходимостью передать особенности лагерного быта, взаимоотношений внутри различных категорий осужденных, а самое главное ответить на вопрос, который автор задает в самом начале рассказа: «Как человек перестает быть человеком? Как становятся блатарями?» [20].

По В. Шаламову, самое страшное, что может произойти с человеком, это не смерть в тяжелейших физических страданиях, а расчеловечивание, потеря нравственных ориентиров, утрата морально-нравственных установок. Именно описание механизма утраты человечности является лингвопрагматической установкой автора, которая и реализуется за счет дозированного введения в ткань художественного текста жаргонной лексики. При этом следует отметить, что лексика «лагерного» жаргона дается строго дозированно. «Колымские рассказы» В. Шаламова не перегружены данной лексикой, словарные единицы прошли строгий семантико-стилистический отбор и полностью соответствуют лингвопрагматическим установкам автора.

В ряде современных произведений, тематически связанных с описанием актуальных проблем общества, основными персонажами становятся подростки и молодые люди; в таких текстах прагматические интенции автора по описанию социальных проблем репрезентируются в использовании лексических и фразеологических единиц молодежного сленга. Примерами подобных текстов могут стать роман Захара Прилепина «Санька» и Дениса Гуцко «Русскоговорящий».

Необходимо уточнить терминологический аппарат, необходимый для дальнейшей характеристики лингвопрагматических целей авторов художественных текстов начала XXI века. В качестве субстандартных единиц рассматривается жаргонная лексика, включающая молодежный сленг и профессиональные жаргонные лексические и фразеологические единицы, а также стилистически сниженная бранная лексика, входящая в группу разговорной или просторечной.

В данной работе придерживаемся научной концепции В.В. Химика, который рассматривал понятия «жаргон», «сленг», «арго» как отдельные группы лексических подсистем.

В частности, в монографии «Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен» он писал, что сленг — это «практически открытая подсистема ненормативных единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый регистр, предназначенный для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной)» [21, с. 12–15].

По авторитетному мнению В.В. Химика, жаргон — «более широкое понятие, являясь полуоткрытой лексико-фразеологической подсистемой, применяемой той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества. Отличие арго и жаргона от сленга заключается в том, что он не имеет отчетливой социально-групповой ориентации: использовать его могут представители разных профессий, разного социального и образовательного статуса и даже различного возраста» [там же].

Лингвопрагматические характеристики субстандарта, в частности единиц сленга, связаны с основными функциями, выполняемыми ими в тексте, в соотношении с интенциями автора художественного произведения.

В романе «Русскоговорящий» единицы сленга выполняют разнообразные функции, отражая основную идею автора — осмысление периода распада Советского Союза, когда в целом в огромной стране царило полное непонимание сущности происходящего, а волнения и бунты на национальной основе, перерастающие в кровавые события, оценивались как случайные провокации, хотя и со страшными последствиями.

Роман «Русскоговорящий» передает настроение времени, показанного глазами современника, молодого человека русского по национальности, родившегося и выросшего в Грузинской ССР. Языковой акцент мешает главному герою «стать своим» в России, не является он своим и в Грузии.

Как и в «Колымских рассказах», в романах «Санькя» и «Русскоязычный» ставится вопрос о расчеловечивании.

Денис Гуцко в романе «Русскоязычный» задается вопросом: как случилось, что люди, жившие в одной стране, по соседству, ходившие друг к другу в гости, стали врагами, а потом начали убивать.

Социальная трагедия распада огромной страны повлекла трагедию практически каждого человека. Герой романа оказывается никому не нужным и в первую очередь не нужным своей стране, своему народу. Общественно-социальная трагедия страны отразилась в судьбе конкретного человека.

Язык романа «Русскоязычный» пронизан армейскими жаргонными выражениями 90-х годов XX века, многие из которых к настоящему времени ушли в пассивный запас языка.

«И было непонятно, кто же из этих людей, что приходят с детьми к БТрам, бредут у виртуоза, сидят, развываясь за круглыми столиками под круглыми тусклыми абажурами, неторопливо идут куда-то по мостовым, — кто же все-таки громит армянские дома?»

Решетов лихачил как автомобильный хулиган. Хищно похотывая, падал грудью на штурвал и заявлял:

— Эх, я б сейчас въехал! Пусть какой-нибудь чурек на жигуленке выскочит. А! Хоть какой-нибудь. Эх, я б его! В гармошку б! — и добавлял возмущенно — Тот же мне, придумали беспорядки наводить!» [22].

Основные функции жаргонных единиц в романе — мировоззренческая и эмоционально-оценочная. Имплицитная оценка (коммуникативная импликатура) является необходимой частью индивидуально-авторского стиля Дениса Гуцко, его интенций. Именно поэтому жаргонные лексические единицы как своеобразные оценочные доминанты играют важную роль в описании неестественности происходящих событий с точки зрения молодых солдат-срочников, которые не понимали, почему и как происходят армянские погромы, не понимали, как это остановить.

Следует указать, что жаргонные единицы являются необходимой частью художественного пространства романа, без их употребления невозможно реалистично воссоздать приметы времени, описать внутренние переживания персонажей, вербализовать картину мира.

Жаргонизмы, являясь частью авторского замысла, позволяют охарактеризовать восприятие мира социальной группой молодых солдат, показать специфику их ценностной сферы, репрезентировать языковую и концептуальную картину мира, являющуюся типичной для поколения молодых людей, активное взросление которых приходится на начало 90-х годов XX века.

В романе Захара Прилепина «Санька» главный герой и его друзья, состоящие в объединении «Союз созидателей», пытаются ответить на вопросы о будущем России, о национальной идее, о том, кто же такие «русские». События книги охватывают краткий период начала 2000-х годов. Прагматические интенции автора заключаются в основной идее: показать и осмыслить тяжелый период истории новой России, период становления страны и поиск идеологической основы национального объединения.

Жаргонные единицы и сленг являются необходимым элементом художественного пространства текста, выполняют, прежде всего, эмоционально-оценочную и экспрессивную функцию.

Приведем ряд примеров из романа «Санька».

« – Вы сами во всем виноваты! — сказал Саша зло. Он развернулся, чтобы бежать дальше, и был тут же подхвачен за рукав Веней, который повлек его в обратную сторону.

– Там «космонавты». Давай... куда-нибудь надо...»

«Как они вообще любят бога поминать, чуть что. И когда они кромсали тупым ножом по живому телу, он был для них очень кстати, и теперь вот. Чтобы ни делали они... Бог мальчиком на побегушках к ним приставлен?

Рогов остановился и закурил.

– А потом, Саш, ты заметил, он ведь тебя, да и всех нас, считает айсорами, которые обувь чистят, а себя хранителем русского духа... Пусть считает!» [23].

Следует отметить, что сленгизмы и жаргонизмы используются в тексте дозированно в тех случаях, когда реплики персонажей с этими единицами необходимы для репрезентации оценки и одновременно отражения интерпретации происходящих событий, имплицитного выражения когнитивной функции в данном художественном произведении. Молодые люди — персонажи произведения — познают мир, оценивают и интерпретируют его сущностные параметры.

В романе «Санька», помимо жаргонизмов и сленгизмов, имеется значительный пласт стилистически сниженной и бранной лексики, необходимой для реалистического описания действительности:

«Заработал мотор, и ПАЗик, перекрывший рельсы, сдал назад.

– Ну, чего, грузить их? — раздался голос. — Надо им, блядь, устроить революцию.

– Что, сучонок? Революции захотел? — выкрикнули где-то рядом с Сашей, но не ему, а, похоже, Вене. — Красной революционной кровью ссать будешь через полчаса!» [20].

В совокупности с жаргонизмами и сленгизмами стилистически сниженная лексика позволяет воссоздать языковую и концептуальную картину мира не только персонажей произведения, систему их норм и ценностей, но и подняться до обобщения и осмысления реальной действительности России периода социально-политических перемен начала XXI века.

Лингвопрагматика художественных произведений связана с лингвокультурологическими основами языка и речи. Об этом подробно писали Н.Ф. Алефиренко [24] и В.В. Воробьев [25].

Субстандартные лексические единицы выражают интенции авторов художественных текстов, что связано с мировоззренческой парадигмой автора и, в свою очередь, определено социокультурным фоном произведения.

Лингвокультурологические и лингвопрагматические характеристики субстандарта в художественном пространстве русской прозы конца XX – начала XXI века связаны с описанием определенной социальной и культурной действительности, выражением ценностных и прагматических национальных установок и стереотипов социальных групп и этноса в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова, С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование: монография. М.: МПГУ, 2023. 240 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2157560> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Демьянков, В.З. Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниция // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике / отв. ред. А.П. Чудинов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. С. 65–72.
3. Актуальные проблемы современной Русистики: учебник и практикум для вузов / отв. ред. С.М. Колесникова. М.: Юрайт, 2024. 635 с.
4. Кудинова, Т.А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011. 45 с.
5. Коровушкин, В.П. Основы контрастивной социолектологии: монография в 2 ч. Ч. 1. Череповец: ЧГУ, 2005. 223 с.
6. Кудинова, Т.А. Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 136–140.
7. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.

8. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексико-графической интерпретации // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 81–107.
9. Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб.: Фолио-пресс, 2000. 254 с.
10. Хайруллина, Р.Х., Воробьев, В.В., Со, Цян. Лингвокультурное пространство русской поэзии и особенности ее перевода на китайский язык // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 386–389.
11. Прилепин, З. Обитель. М.: АСТ, 2014. 746 с.
12. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
13. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ в 4-х частях. Ч. III–IV. СПб.: Азбука, 2015.
14. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (дата обращения: 26.05.2024).
15. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 159 с.
16. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
17. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика. М.: Восток — Запад, 2006. 200 с. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmc.html> (дата обращения: 20.05.2024).
18. Чумак-Жунь, И.И., Ковалева, С.В. Лингвопрагматические компоненты текстов народно-поэтического дискурса (на материале текстов народных заговоров) // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2021. № 41 (1). С. 545–553.
19. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
20. Шаламов, В. Жульническая кровь // Колымские рассказы. URL: <https://shalamov.ru/library/6/3.html> (дата обращения: 16.04.2024).
21. Химик, В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2000. 269 с.
22. Гуцко, Д. Русскоязычный. М.: Варриус, 2005. 352 с. URL: <https://www.rulit.me/books/russkogovoryashchij-read-254110-25.html> (дата обращения: 13.06.2024).
23. Прилепин, З. Санька. М.: АСТ, 2023. 352 с. URL: https://sharlib.com/read_74562-1 (дата обращения: 17.06. 2024).
24. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 282 с.
25. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. 336 с.

REFERENCES

1. Kolesnikova, S.M. *Ot smysla k tekstu: lingvokognitivnoe issledovanie* [From Meaning to Text: Linguocognitive Research: Monograph]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2023, 240 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/product/2157560> (accessed: 10.07.2024). (in Russ.)

2. Demyankov, V.Z. Predvidet i predskazat: diskurs o predznanii i prekogniciya [To Foresee and Predict: Discourse on Foreknowledge and Precognition]. In: *Kognitivno-diskursivnaya paradigma v lingvistike i smezhnyh naukah: sovremennye problemy i metodologiya issledovaniya* [The Cognitive-Discursive Paradigm in Linguistics and Related Sciences: Modern Problems and Research Methodology. Materials of the X International Congress on Cognitive Linguistics], ed. A.P. Chudinov. Moscow, Institut yazykoznaniya Rossijskoj akademii nauk, Tambov, Tambovskij gosudarstvennyj universitet imeni G.R. Derzhavina, 2020, pp. 65–72. (in Russ.)
3. *Aktualnye problemy sovremennoj Rusistiki* [Actual Problems of Modern Russian Studies: Textbook and Workshop for Universities], ed. by S.M. Kolesnikov. Moscow, Yurajt, 2024, 635 p. (in Russ.)
4. Kudinova, T.A. *Yazykovoj substandart: sociolingvisticheskie, lingvokulturologicheskie i lingvopragmaticheskie aspekty interpretacii* [Linguistic Substandard: Sociolinguistic, Linguoculturological and Linguopragmatic Aspects of Interpretation]: Extended Abstract of ScD Dissertation (Philology). Nalchik, 2011, 45 p. (in Russ.)
5. Korovushkin, V.P. *Osnovy kontrastivnoj sociolektologii: monografiya v 2 ch. Ch. 1* [Fundamentals of Contrastive Sociolectology: Monograph in 2 parts, part 1]. Cherepovec, Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2005, 223 p. (in Russ.)
6. Kudinova, T.A. Standart i substandart v yazyke: k obosnovaniyu ponyatij [Standard and Substandard in Language: To Substantiate Concepts], *Nauchnaya mysl Kavkaza* = Scientific Thought of the Caucasus, 2010, No. 3, pp.136–140. (in Russ.)
7. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. *Bolshoj slovar russkogo zhargona: 25 000 slov, 7 000 ustojchivyh sochetanij* [A Large Dictionary of Russian Jargon: 25,000 Words, 7,000 Stable Combinations]. St. Petersburg, Norint, 2000, 716 p. (in Russ.)
8. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. Aksiologiya neofrazem i frazeotransformacij v leksikograficheskoj interpretacii [Axiology of Neophrasemes and Phraseotransformations in Lexicographic Interpretation], *Voprosy leksikografii* = Questions of Lexicography, 2022, No. 25, pp. 81–107. (in Russ.)
9. Grachev, M.A., Mokienko, V.M. *Istoriko-etimologicheskij slovar vorovskogo zhargona* [Historical and Etymological Dictionary of Thieves' Jargon]. St. Petersburg, Folio-press, 2000, 254 p. (in Russ.)
10. Hajrullina, R.H., Vorobev, V.V., So, Cyan. Lingvokulturnoe prostranstvo russkoj poezii i osobennosti ee perevoda na kitajskij yazyk [The Linguistic and Cultural Space of Russian Poetry and the Peculiarities of Its Translation into Chinese], *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* = The World of Science, Culture, and Education, 2019, No. 5 (78), pp. 386–389. (in Russ.)
11. Prilepin, Z. *Obitel* [Monastery]. Moscow, AST, 2014, 746 p. (in Russ.)
12. Zinoveva, E.I. *Lingvokulturologiya: ot teorii k praktike* [Linguoculturology: From Theory to Practice. Textbook]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Nestor-Istoriya, 2016, 182 p. (in Russ.)
13. Solzhenicyn, A.I. *Arhipelag GULAG v 4-h chastyah. Ch. III–IV* [The GULAG Archipelago in 4 parts, part III–IV]. St. Petersburg, Azbuka, 2015. (in Russ.)
14. Solzhenicyn, A.I. *Odin den Ivana Denisovicha* [One Day of Ivan Denisovich]. Available at: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (accessed: 26.05.2024). (in Russ.)
15. Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [A Logical and Philosophical Treatise]. Moscow, AST, 2018, 159 p. (in Russ.)

16. Grajs, G.P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Speech Communication]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics, iss. 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress, 1985, pp. 217–237. (in Russ.)
17. Susov, I.P. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic Pragmatics]. Moscow, Vostok — Zapad, 2006, 200 p. Available at: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmc.html> (accessed: 20.05.2024). (in Russ.)
18. Chumak-Zhun, I.I., Kovaleva, S.V. Lingvopragmaticheskie komponenty tekstov narodno-poeticheskogo diskursa (na materiale tekstov narodnyh zagovorov) [Linguopragmatic Components of Texts of Folk Poetic Discourse (Based on the Material of Texts of Folk Conspiracies)], *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i yazykoznaniya* = Questions of Journalism, Pedagogy and Linguistics, 2021, No. 41 (1), pp. 545–553. (in Russ.)
19. *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], ed. by I.T. Kasavin. Moscow, Kanon+, 2009, 1248 p. (in Russ.)
20. Shalamov, V. Zhulnicheskaya krov [Fraudulent Blood]. In: *Kolymskie rasskazy* [Kolyma Stories]. Available at: <https://shalamov.ru/library/6/3.html> (accessed: 16.04.2024). (in Russ.)
21. Himik, V.V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kulturnyj fenomen* [Poetics of Low, or Colloquialism as a Cultural Phenomenon]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2000, 269 p. (in Russ.)
22. Gucko, D. *Russkoyazychnyj* [Russky]. Moscow, Vagrius, 2005, 352 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/russkogovoryashchij-read-254110-25.html> (accessed: 13.06.2024). (in Russ.)
23. Prilepin, Z. *Sankya* [Sankya]. Moscow, AST, 2023, 352 p. Available at: https://sharlib.com/read_74562-1 (accessed: 17.06. 2024). (in Russ.)
24. Alefirenko, N.F. *Lingvokulturologiya: cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology: The Value-Semantic Space of Language: A Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010, 282 p. (in Russ.)
25. Vorobiov, V.V. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Rossijskij universitet družby narodov, 2008, 336 p. (in Russ.)

Новикова Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра гуманитарных и математических наук, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, tatjana_1@inbox.ru

Tatyana S. Novikova, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department, Department of Humanities and Mathematical Sciences, Smolensk State Agricultural Academy, tatjana_1@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2024. Принята к публикации 23.08.2024

The paper was submitted 01.07.2024. Accepted for publication 23.08.2024